

СЕМАНТИЗАЦИЯ САКРАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СЛОВАРЕ В. И. ДАЛЯ

Коновалова Н. И.

Уральский государственный педагогический университет
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Аннотация. Статья посвящена исследованию используемых В. Далем лексикографических техник семантизации лексики. Анализируются принятые в словаре принципы толкования значений через соотношение общего и частного, через отсылку к множеству подобранных «тождесловов», богатейший иллюстративный материал в виде разного рода устойчивых выражений: пословиц, поговорок, примет, загадок и т. п. Особое внимание уделяется словарной интерпретации сакральной лексики, воплощающей стереотипные представления русского народа о сфере сверхъестественного, синкретично соединяющего в себе святое и демоническое, сакральное и профанное, реальное и вымышленное. По словарным данным выявлены группы лексики, составляющей структуру противопоставленных семантических полей *святое – нечистое*: названия субъектов – участников сакральной коммуникации; названия действий (ритуалов, обрядов, магико-ритуальных практик народной медицины и т. п.); названия сакрально гарантированных и сакрально негарантированных локусов и временных промежутков, характеризующихся особой активностью сверхъестественных сил и др. Определены *универсальные* лексикографические техники семантизации сакрального слова в словаре В. И. Даля: толкование через отсылку к сакрально маркированному мотиватору (в том числе – ложноэтимологические сближения), выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты, толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы (синтагматических, парадигматических, эпидигматических). К *частным* приемам семантизации сакральной лексики можно отнести следующие: антропоморфная аналогия, отражающая существовавшие на определенном этапе развития общества анимистические представления человека; создание обобщенного образа, образа-понятия, имеющего минимум видовых и максимум родовых характеристик; детализация символа – как правило, на основе дробления мифологических сюжетов.

Методологически значимой для работы с зафиксированной в словаре сакральной лексикой традиционной народной культуры является возможность выстраивать целые семантические поля по «заданной матрице», когда пользователю нужно уловить связи отдельных компонентов, выбрать направления этих связей и смоделировать поле. В статье представлены аналоги подобных моделей и продемонстрированы некоторые процедуры выявления компонентов семантики сакральных лексем.

Ключевые слова: лексикография; семантизация; сакральная лексика; лексемы; народная культура; традиционная культура; демонология; лексическая семантика; русский язык; лексикология русского языка; толковые словари

SEMANTIZATION OF THE SACRED VOCABULARY IN THE DICTIONARY OF V. I. DAHL

Nadezhda I. Konovalova

Ural State Pedagogical University
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Abstract. The article is devoted to the study of lexicographic techniques of vocabulary semantization, which are used in the dictionary of V. Dahl. The article analyzes the principles of the interpretation of the meanings employed in the dictionary through the ratio of the general and the particular, through reference to a variety of synonyms and richest illustrative material presented in the form of various kinds of stable expressions: proverbs, sayings, riddles, etc. Special attention is paid to the dictionary definition of the sacred vocabulary embodying stereotyped ideas of the Russian people about the realm of the supernatural, which sincretically unites the sacred and the demonic, sacred and profane, real and fictional. Vocabulary data makes it possible to identify groups of vocabu-

lary that make up the structure of opposite semantic fields – *sacred vs. demonic*: names of subjects, participants in sacred communication, names of actions (rituals, magic, ritual practices of traditional medicine, etc.), names of sacred loci and time intervals characterized by heightened activity of the supernatural forces, etc. The study defines the *universal* lexicographical techniques of semantization of the sacred word in Dahl's dictionary: interpretation through reference to a sacredly marked motivator (including false etymological correlations), identification of basic sacred meanings through denotative or conceptual components, and interpretation through analysis of systemic connections of units of one paradigm (syntagmatic, paradigmatic, and epidiagmatic). The particular methods of semantization of sacred vocabulary include such as anthropomorphic analogy, reflecting the animistic ideas of man that existed at a certain stage in the development of society; creation of a generalized image, an image-concept that has a minimum of species and a maximum of generic characteristics; detailing of the symbol – as a rule, based on the fragmentation of mythological plots.

The ability to construct entire semantic fields according to a “given matrix”, when the user needs to intuitively identify the connections between separate components, select the directions of these connections and create a model of the field is methodologically significant for work with the sacred vocabulary of traditional folk culture recorded in the dictionary. The article presents analogs of such models and demonstrates some procedures for identifying the components of the sacred lexeme semantics.

Key words: lexicography; semantization; sacred vocabulary; lexemes; folk culture; traditional culture; demology; lexical semantics; Russian language; Russian lexicology; explanatory dictionaries

Для цитирования: Коновалова, Н. И. Семантизация сакральной лексики в словаре В. И. Даля / Н. И. Коновалова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 127–135. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

For citation: Konovalova, N. I. (2021). Semantization of the Sacred Vocabulary in the Dictionary of V. I. Dahl. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 127–135. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-11.

Предварительные замечания. Актуальность исследования.

Лингвокультурологическая лексикография в современной парадигме гуманитарных исследований, обращенных к культурной составляющей семантики языковых единиц, испытывает на рубеже XX–XXI веков заметный подъем, начиная с лингвострановедческих и фразеологических словарей для изучающих РКИ [Гридина, Коновалова 2019]. При этом отмечается, что «...в системе прагматических компонентов особое место занимает национально-культурный компонент, реже всех зафиксированный и беднее всех семантизированный в лексикографических источниках» [Булыгина, Трипольская 2017: 10. См. об этом также: Лаппо 2016; Гридина, Коновалова 2017; Грязнова 2017; Лаппо, Малиновская 2020 и др.]. Выявление и лексикографическая фиксация стереотипных представлений, составляющих когнитивную базу культурного пространства, становится принципиально важной проблемой формирования функциональной грамотности личности. Само «...понятие „лексикографирование“ заметно перерастает сугубо технологическое содержание, в рамках которого лексикографирование есть собирание лексического материала с его дальнейшей специальной обработкой...

и все более обретает методологическое содержание. Лексикография все чаще трактуется как особое видение языка, обусловленное специфическими задачами, которые хотя и имеют прикладной характер, но видение, которое они задают, позволяет исследователям выявить в объекте (лексике) новые и весьма важные стороны» [Голев 2021: 6–7]. В этой связи актуальным представляется обращение к истокам этого направления в лексикографии, одним из первых в ряду такого рода текстов стоит «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, к которому в полной мере можно отнести такие характеристики текста: это «некое экспериментальное пространство, обнаруживающее писательские эвристики (особое чутье слова), собственно авторское моделирование» [Гридина 2012: 272].

Материал и объект исследования.

Объектом исследования в данной статье являются практики семантизации стереотипных представлений о сакральном в словаре В. И. Даля. В широком понимании сакральный компонент включает спектр содержательных характеристик субстанционального и функционального планов (священный, культовый, обрядовый, ритуальный, мистический, таинственный, сверхъестественный и т. п.), где связь

с религиозным культом – лишь одна из ипостасей сакрального. Ср. понимание сакрального как свойства, носителем которого может стать лицо, вещь, пространство, некоторые «моменты времени» и т. п. Она может представлять как всемогущий Бог, как души умерших, как неопределенно-диффузная сила и т. п., и все, что кажется вместилищем этой силы, предстает как сакральное, одновременно опасное и драгоценное, завораживающее: «Сакральное обладает благоприятным или неблагоприятным действием и характеризуется противоположными понятиями чистого и нечистого, святого и кощунственного» [Кайуа 2003: 166].

Сакральность в системе народных представлений – это комплексное явление, представленное бинарной оппозицией священное / демоническое. Именно она является одной из наиболее лексикографически разработанных у Даля.

Исследование лексики, воплощающей прагматические представления человека об окружающем мире, позволяет выявить особенности отражения сакральных характеристик в русском языковом сознании и реконструировать фрагменты наивной картины мира. Семантизация сакрального в словарях разных типов демонстрирует многослойность этого феномена, соединяющего фидеистические представления разных эпох, синкретизм языческого и христианского содержания в сознании носителей традиционной народной культуры [Кайуа 2003; Коновалова 2007].

Противопоставленность сакрального профанному в сознании носителей традиционной народной культуры не контрастна. Для жителей деревни сфера сакрального – живая реальность, в которой как бытовая, так и ритуально-магическая практики являются одинаково востребованными. О креативном соединении сакрального и профанного уже в древнерусских текстах см. [Бекасова 2020].

Воплощение сакрального в акциональном, персонифицированном или опредмеченном начале, а также возможность его проявления в особом рода хронотопе находит отражение в лексикографических практиках семантизации этой группы лексики.

Принципы словарного представления лексики сам В. И. Даль сформулировал следующим образом: «При объяснении и толкова-

нии слова вообще избегались сухие, бесплодные определения, порождения школярства, потеха зазнавшейся учености, не придающая делу никакого смысла, а напротив, отрешающая от него высокопарною отвлеченностью. Передача и объяснение слова другим, а тем паче десятком других, конечно, вразумительнее всякого определения, а примеры еще более поясняют дело. Само собою, что перевод одного слова другим очень редко может быть вполне оточен и верен; всегда есть оттенок значения, и объяснительное слово содержит либо более общее, либо более частное и тесное понятие; это неизбежно и отчасти исправляется большим числом тождесловов на выбор читателя. Каждое из объяснительных слов найдется опять на своем месте, и там, в свою очередь, объяснено подробнее» [Даль 1862: XXX]. Такой способ толкования условно можно назвать прообразом принятой в современной цифровой лексикографии системы гиперссылок, позволяющей связывать конкретный контент с ассоциативно смежными данными и тем самым обнаруживать континуальность в лексико-семантической системе языка. Ср.: «Лексический состав – не хаотическая россыпь дискретных (не связанных друг с другом) слов. „Алфавитность“ в этом смысле – фактор противоречивый: отвечая на потребность пользователя в удобном поиске, „алфавит“ разрывает смысловые и функциональные связи между словами (отражение языка). Реагируя на потребность их сохранения, лексикография так или иначе стремится их сохранить. Думается, что В. И. Даль, выбрав гнездовой принцип подачи производной лексики, интуитивно или осознанно стремился к отражению полевого (недискретного) устройства лексики» [Голев 2021: 10–11].

Анализ материала (более 1000 лексических единиц исследуемой группы и более 5000 их употреблений) дал возможность выявить как универсальные для разных словарей и разных лексико-семантических групп, так и собственно «далевские инструменты» представления сакрального содержания.

Универсальные лексикографические техники семантизации сакрального в словаре В. И. Даля:

1. Толкование через отсылку к сакрально маркированному мотиватору. Баёвка – трава,

с помощью которой «бают» знахарки, измеряют ее «шепотками» для заговоров на снятие порчи, сглаза. См. «местами *баить* употребляется в старинном значении шептать, знахарить, заговаривать» [Даль 1989, т. 1: 39]. Интересны наблюдения В. И. Даля о смешении профанного и сакрального на основе ложноэтимологических сближений. Например, «*алалыкать*... картавить, мямлить, говорить с пережевкою. *Алала*, *алалуя*, вздор, бред, грезы, чепуха, бессмыслица. *Несет такую алала с маслом, что уши вянут*. *Алалуя* от *алалакать*, спутали в говоре с другим словом из церковной службы нашей (*аллилуйя*) и сами дивятся неприличию поговорки. *Алалуить*, говорить вздор, нести чепуху» [Даль 1989, т. 1: 10]. См. исследование, в котором анализируется подобный «...механизм отождествлений по созвучию как зона, формирующая личностную фоносемантику имени, специфика ложноэтимологических сближений, проясняющих внутреннюю форму антропонимов – в том числе имеющих осознанно характерологическую функцию» [Гридина 2014: 84]. Ср. также демонстрацию процессов этимологизации через описание мотивационных ассоциаций «как феноменов синхронного бытия сознания и системы языка в их единстве» в [Голев 2015: 46].

2. Выявление базовых сакральных смыслов через денотативные или понятийные компоненты. В качестве примера приведем семантизацию слова *каша* через описание обряда хождения на кашу = «на крестины». Крестины, где «...бабка обходит гостей с кашею, потчует отца ложкою каши с солью и перцем. Обед после свадьбы у молодых, на новом хозяйстве... пируют, толпа кашниц (застольниц, званых на кашу) ходит с песнями. *На твоих родинах я кашу ел. Кашка на ложки, а молодец на ножки. За кашку грош отдать – младенец жить будет*» [Даль 1989, т. 2: 100].

3. Толкование через анализ системных связей единиц одной парадигмы. Например, различия семантической структуры родовых коррелятов: *знахарь* и *знахарка* в народной традиции характеризуются как общими, так и отличительными признаками: «*знахарь, знахарка, знахурка, знахарица, знатоха, знаха, знаток, знатель, знайка* – кто портит и правит людей. *Знахари-то говорят (заговаривают), как город городят! На Афанасия (18 января)*

знахари выгоняют ведьм [Даль 1989, т. 1: 689]. С одной стороны, так называются люди, как мужчины, так и женщины, обладающие тайным знанием (дериваты от *знать, знавать*); те, кто «пользует больных, занимается лечением, не будучи врачом» [Даль 1989, т. 2: 246]: *лекарь-самоучка, лекарка, лечейка, лечуха, лечея* – (производные от *лечить*); лица, совершающие действия, занятия, связанные с волхованием, волшебством, колдовством: *волхв, волхит, волхитка, волхат, волхатка, волховка, волшебник, волшебница* – производные от глаголов *волхвовать, волхитить, волшебничать, волшебствовать* в значении колдовать, чаровать, знахарить, гадать, ведьмовать, заговаривать, напускать, шептать [Даль 1989, т. 1: 239]; люди, которые «занимаются гаданием, ворожкой» [Даль 1989, т. 2: 339]: *гад, гадалка, гадатель, гадальница, гадалыцик, гадалыцица* производные от гадать. Закономерно в этом ряду появление существительных общего рода *гадина, гадала*, не дифференцирующих вид деятельности знахарей по гендерному признаку. При этом исходные номинации *знахарь* и *знахарка* толкуются через одинаковые идентификаторы, с использованием одних и тех же глаголов – видовых коррелятов действий, обозначающих применение тайного знания в магико-ритуальных практиках.

С другой стороны, отмечается набор характеристик для лиц мужского и женского пола, свидетельствующих об их «специализации», что находит выражение в соответствующих номинациях с разной семантической структурой *воржец – ворожейка*. Ср.: *знахарь – воржец*, который заговаривает зубы, ср.: *ворчье – заговор, заговариванье знахаря, нашепты, а знахарка – ворожейка, ворожея* – женщина, занимающаяся ворожкой и т. д. Не имеют «мужских» коррелятов номинации *повивальная бабка, акушерка, повитуха, баба, бабка; басиха* – лекарка, бабка, шептунья (от *баса, байка*), ср.: *басить* – лечить с помощью заговоров.

Такую множественность обозначений можно назвать номинативной универсалией, т. к. она проявляется для именованья объектов разных денотативных сфер. См. об этом механизме: «Номинация „обволакивает“ объект, порождая все новые варианты именованья его, при этом объект редко рассматривается изолированно, он выступает как часть действитель-

ности, из которой должен быть окончательно выделен» [Рут 2018: 150].

Частные приемы семантизации сакральной лексики.

Отметим, что для сферы сакрального в «Толковом словаре живого великорусского языка» интересными являются частные приемы семантизации слова, обращение к которым может быть использовано как инструмент моделирования данного фрагмента языковой картины мира:

а) использование антропоморфной аналогии, что отражает древние анимистические представления человека: *леший* (*лесовик*, *лесовой*, *лесной*, *лешак*) – «лесной дух, поет голосом, бьет в ладоши, аукает, хохочет, плачет, перекидывается в мужика с котомкой... леший как и домовый и пр. – один образ человека. *Первого черемиса леший родил, оттого они в лесу и сидят*. Леший нем, но голосист, без шапки, волоса зачесывает налево, кафтан запахивает направо... *Есть и лешая, лешачиха, лешуха... леша, лешеня – лешачий детеныш*» [Даль, т. 2: 279–280]. Подробное описание нечистой силы включает и особенности внешнего вида, и характер производимых действий, и проекцию семейных отношений человека на способ существования вымышленного персонажа нечистой силы в антропоморфной ипостаси. Кроме того, эти персонажи часто получают имена собственные или вписываются в систему родственных связей человека: *кума, сестра, тетка, мачеха, Марфа Ивановна, Се-рафима Петровна* и др. – о лихорадке;

б) создание обобщенного образа, образ-понятия, имеющего минимум видовых и максимум родовых характеристик. Чаще всего в случае создания таких гиперонимических номинаций используются общеоценочные слова с диффузной референцией, основанные на эмоциональной (отрицательной или положительной) оценке: *нечисть, нежить, недобрики, нечистая сила, нечистый дух, милак, ненаш* и т. п.;

в) детализация символа – как правило, на основе дробления мифологических сюже-

тов: «...есть домовый *сараяшник, конюшник, баенник* и женский банный *волосатка*» [Даль 1989, т. 1: 466]. В разных словарных статьях у Даля представлены как многочисленные персонажи, существующие в самом доме (*подполенник, запечник, подпорожник* и т. д.), так и номинации нечистой силы, обживающей смежное с домом пространство (*дворовый, овинник, банная бабушка, гуменник, полевик, лесной царь* и *подчиненные ему лесовики, боровики, моховики* и пр.).

На основе словарных данных, представленных подобным образом, можно выстраивать целые семантические поля, поскольку «матрица» задана, и исследователю остается лишь постараться уловить связи отдельных компонентов, выбрать направления этих связей в соответствии с заданной программой моделирования поля. Кажется, будто бы сам В. И. Даль писал об этой «матрице»: «Желание собирателя было составить словарь, о котором бы можно было сказать: Речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь захожие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде)словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи... пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и пр.» [Даль 1862: XXXI]¹.

Придумав, однако, способы представления всего перечисленного выше в словарной дефиниции, В. Даль выбрал и поразительно точное и емкое название для своего произведения: «Толковый словарь живого великорусского языка».

Словарь позволяет читателю «играть в многовариантные пазлы», складывающиеся в различные фрагменты языковой картины мира, в том числе представляющие и сферу сакрального.

¹ Ср. Традиции многословного, детального названия словарей и справочников XVII–XIX вв.: Максимович-Амбодик Н. М. Врачебное веществословие или описание целительных растений, во врачестве употребляемых с изъяснением пользы и употребления оных (СПб., 1783); Алабин П. В. Словарь растений дикорастущих и разводимых на огородах, вь комнатах, садах и вь оранжереях, съ описанием способа ухода за ними и ихь отличительныхъ признаковъ (СПб., 1875); Анненков Н. И. Ботанический словарь или собрание названий на языках латинском, русском, немецком, французском и других, употребляемых различными племенами, обитающими в России (М., 1859); Книга, глаголемая «Прохладный вертоградъ», избранная отъ многихъ мудрецовъ о различныхъ врачевскихъ вещехъ ко здравію челоувѣческому пристоящихъ (1672) и т. п.

Так, например, семантическое поле «демоническое» может включать несколько лексико-семантических групп.

1. Собственно номинации нечистой силы, включающие как родовые, так и видовые обозначения: *амбарный* – «дух-смотритель, содержатель амбара» [Даль 1989, т. 1: 36]; *баенник* / *баяльник* / *банник* – «особая порода домовых, злой дух, поселяющийся в бане; пар выживает его временно, а в нетопленной бане он живет всегда, он не любит родильниц, которых, однако, по тесноте в избе всегда выводят в баню; но их там нельзя покидать одним» [Там же: 114]; *шиш*, или *шишига*, *шишиган* – «нечистый, сатана, бес, злой кикимора или домовый, нечистая сила, которого обычно поселяют в овине, овинный домовый» [Даль 1989, т. 4: 636].

2. Названия лиц, осуществляющих особый вид коммуникации с нечистой силой: *ведьма* – «колдунья, чародейка, спознавшаяся, по суевью народа, с нечистой силою, злодейка, у которой бывает хвостик» [Даль 1989, т. 1: 427]; *колдун*, *колдунья* – «кто колдует, чародей, волхв, волшебник, знахарь; ворожея, гадатель» [Даль 1989, т. 2: 342] и др.

3. Названия лиц, пострадавших от нечистой силы или одержимых ею: *бедовик* – «человек, попавший во власть беды, олицетворенной нечисти» [Даль 1989, т. 1: 327]; *обмен*, *обменена*, *обмененный*, *обменок*, *обменьш* – «ребенок, обмененный при рождении... есть преданье, поверье, что лешачиха, подкидывая своего обменьша, уносит младенца до крещения его, такой лешачонок бывает туп и свиреп и до 15-ти лет уходит в лес, пропадая без вести» [Даль 1989, т. 2: 604]; *кликуша* – «одержимый родом падучей, которой особенно подвержены бабы: при корчах теряет сознание, и больная кричит неистово звериными голосами, изрыгая брань» [Даль 1989, т. 2: 296]; *проклятый* – «кто проклят, кого проклинали и кто сам стал олицетворенным злом» [Даль 1989, т. 3: 490] и др.

4. Названия предметов, служащих для защиты от нечистой силы: *зачур* «заговор, нашепт, записанный на бумаге и зашиваемый в ладанку» [Даль 1989, т. 1: 665]; *отзелье* – противоядие, снадобье от отравы, приворотного зелья, которым знахари привораживают кого»

[Там же: 776; т. 2: 726]; *оберег* – «талисман, ладанка, привеска от сглазу, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и пр.» [Даль 1989, т. 2: 579].

5. Названия растений, обладающих сверхъестественными целебными и магическими свойствами: *зверобой* – «заячья кровь, свято-янское зелье, здоровая трава, которой... существует множество применений в народной медицине» [Даль 1989, т. 1: 674]; *лутошка* – «липка, с которой снята кора, содрано лыко; она сохнет и вся чернеет, используется в обрядах гадания и избавления от сглаза» [Даль 1989, т. 2: 711]; *одолей* – «растение из рода молочаевых, *Euphorbia pilosa* (procera?), оно идет в дело у знахарей, приворотная, т. е. одолевающая» [Даль 1989, т. 2: 655]; и др.¹

6. Названия обрядов и ритуалов, «регламентирующих» коммуникацию с нечистой силой: *отворот* – «отвращение, например, от порчи, заговора, отворотного зелья знахаря» [Даль 1989, т. 2: 716]; *русалка* – «семик. На русалку завивают, на Троицу развивают венки (в лесу, на березе); заговенье апостольского поста или Петровок, русалкино заговенье. В сей день девки идут все толпою с песнями на Волгу бросать венки, провожая русалку, чудовище, представленное несколькими парнями, покрытыми одним парусом; впереди несут на шесте занузданный конский череп, позади идет дико наряженный погонщик. Девки крестят в лесу кукушку, кумятся, а на русальской неделе, следующей за троицкою боле в лес не ходят порозь, тут гуляют русалки» [Даль 1989, т. 4: 114].

7. Названия болезней, вызываемых нечистой силой: *лихач* – «разновидность лихорадки, насылаемой, по суевярным представлениям, колдуном по ветру» [Даль 1989, т. 2: 663]; *мор* – «чума, моровая, смертная зараза, язва, повальная смерть... болезнь скота от дурного слова, сглаза» [Там же: 347]; *урок* – «изуроченье, порча, сглаз, насылка ворожбита, ...особенно о детских болезнях, родимчике» [Даль 1989, т. 4: 509] и др. Целый сюжет разворачивается вокруг лихоманки: *лихоманчища* – «одна из 12 сестер Иродовых, коим народ дал названья: *лихорадка*, *лихоманка*, *трясуха*, *трясучка*, *гнетуха*, *гнетучка*, *кумоха* (от ком, кума?), *китюха* (тет-

¹ Особый интерес представляет сопоставление приемов семантизации названий растений Далем-ботаником (см.: [Даль 1851]) и Далем-филологом в толковом словаре в плане отбора необходимых и достаточных для описания объема понятия семантических признаков.

ка, тетюха?), желтуха, бледнуха, маяльница, знобуха, трепуха, лихачка, лиходейка, знобуха, ворогуша, кума, мачиха, тетка, кумошедша, добрава, добруха, дряница, матухна, летучка, трясье, трясавица, трясовица, невея. Лихорадку делят на веснянку и подосенницу и считают ее 40 видов: *подтынница* (прикинулась на спящего под тыном), *веретенница* (на пряху), *дедюха, добруха, подруга, студёнка*. *Без притчи и лихоманка не берет. Приходи вчера – заговор от лихорадки*, также мысленный ответ домовому, коли почудится, что кто-то зовет по имени» [Даль 1989, т. 2: 257–258].

8. Названия временных промежутков, характеризующихся особой активностью нечистой силы: *благая минута, благой час* – «неблагоприятный, приносящий беду, несчастье (обычно в суеверных представлениях)... *Вышел из дома в благой час, Сталась благая пора, почитай езды нет / и зерна хлеба не добудешь*» [Даль 1989, т. 1: 90–96].

9. Названия сакрально негарантированных локусов: *чертова сторонушка, ад, врата адавы, болото, омут*. «*Из омута в ад рукой подать. В тихом болоте (омуте) черти водятся. Не ходи при болоте: черт уши обколотит. Было бы болото, а черти будут. Хоть его святы не святы, а оно все в болото лезет*, сказал воронежец, уронив в грязь жареное пороса, которое, по обычаю, нес домой от пасхальной заутрени, вместе с пасхою. ...В болотах, топяк живет болотяник, он заводит путника» [Даль 1989, т. 1: 110–111].

10. Названия атрибутов, характеризующих объекты в составе поля: *гноевая навозная, низовая, перемежная лихорадка, ломовая, синяя, легкая, безыменная, листопадная* – атрибуты разных видов лихорадки в соответствии с вызываемыми ею симптомами болезни (см. Лихорадка).

Подобным образом организовано и семантическое поле «святое (священное)». См., например: Христос – (вариантные именованья) *Иисус Христос, Богочеловек, Сын Божий, Господь во плоти. Христианин, христианка* – верующий во Христа, исповедник Евангелия, человек крещеный, над кем совершен обряд крещения. *Христианство* – самая вера и учение, совокупность всех христиан. *Христарадничать* – просить милостыню, подаяние ради Христа, побираться Христовым именем. *Христианствовать* – исповедовать веру

эту. *Христов* – Христу принадлежащий, день Светлое Христово воскресенье, Пасха Святая. *Христовы онучи* – в день Вознесенья пекут дрочену, блинцы и лесенки, пируют в лесах, на воле и покидают там дрочену на снедь Христу, блинцы Христу на онучи, лесенки, чтобы самому взойти на небо. *Христов человек* – милосердный, добрый. *Христовник* – праздничная одежда, кафтан, шелковый сарафан. *Христовское яйцо* – первое полученное на Пасху, христосуясь, оно тушит пожар (поверье). *Христовушка* – милый, сердечный, болезный, дорогой мой. *Христосоваться* – целоваться радостно трижды со встречными, на праздник Пасхи, приветствуя словами: Христос воскрес! На что тот отвечает: воистину воскрес. *Христианогубцы* – беззаконные губители, агаряне. *Христорборный, христонаступный, христоненавистный* – что относится до сопротивления Христу и учению Его. *Христорборец, христонаступник, христоненавистник* – противник Христу. *Христоносный, христоносец* – носящий Христа в сердце своем. *Христоотступный, христоотступник* – вероотступник, переметчик, отрекшийся от своей христианской веры.

Ср. также словарные статьи с заголовочными словами Бог (а также другими именами высшего христианского существа: Творец, Создатель, Вседержитель, Всевышний, Всемогущий, Предвечный, Сущий, Сый, Господь, Предвечное Существо, Создатель вселенной) и Богоблагодатный. В последнее гнездо вошли все сложные слова, производные от Бог.

Структура семантического поля «святое / священное» включает те же семантические векторы, только с положительными коннотациями, что в целом подтверждает синкретизм профанного и сакрального, в том числе языческого и христианского в рамках представлений о сакральном носителей русского языкового сознания. Ср. в этой связи наблюдения над текстами предшествующего периода: «смена парадигм сознания во второй половине XVIII в. позволила отойти от религиозных подпорок в „домашних“ и „семейственных“ историях и выстроить их на многовековом фундаменте народной мудрости» [Бекасова 2014: 161]. Именно ориентация на народную мудрость сделала словарь В. И. Даля уникальным лингвокультурологическим источником.

Выводы

Наиболее «востребованными» в словаре В. И. Даля являются эпидигматические (термин Д. Н. Шмелева) связи слов. Особенно заметной роль этого типа парадигматических отношений оказывается в случаях аксиологической деривации. Нетрудно заметить, что семантические доминанты в толкованиях сакральной лексики чаще всего общеоценочные на основе оппозиции «хороший – плохой» при диффузной референции.

Весьма показательна в статистическом плане словообразовательная производность: например, дериватов на основе морфологических способов словообразования от *Бог* более 300, от *черт* – намного меньше, хотя по структуре слова соотносительны. Самым продуктив-

ным, по данным словаря В. И. Даля, является сложно-суффиксальный способ словообразования, где второй частью сложения выступают абстрактные существительные со значениями опредмеченного действия и признака, что вполне соотносится с идеей «активного добра» и проникновения его во все сферы жизни.

Использование В. И. Далем комплекса разнообразных техник семантизации сакральной лексики позволяет создавать целостные лингвокультурологические «портреты» отдельных фрагментов русской языковой картины мира, что может применяться в филологическом образовании как одна из технологий изучения лексикологии, фразеологии, словообразования, лексикографии, лингвофольклористики, а также в проектной деятельности обучающихся.

Литература

- Бекасова, Е. Н. Креативность на грани сакрального и профанного древнерусского текста / Е. Н. Бекасова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2020. – № 2. – С. 239–256. – DOI: 10.26170/ufv20-02-22.
- Бекасова Е. Н. Пословица как концептуальная основа «домашних историй» второй половины XVIII в. / Е. Н. Бекасова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2014. – № 77. – С. 159–162.
- Булыгина, Е. Ю. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики / Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 5–19. – DOI 10.17223/22274200/11/1.
- Голев, Н. Д. Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О. И. Блиновой / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2021. – № 21. – С. 5–32. – DOI: 10.17223/22274200/21/1.
- Голев, Н. Д. О словарях народных этимологий и мотивационных ассоциаций как отражении онтологических свойств лексических единиц русского языка / Н. Д. Голев // Вопросы лексикографии. – 2015. – № 2. – С. 38–64.
- Гридина, Т. А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива-2 / под общей редакцией Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С. 272–288.
- Гридина, Т. А. «Эльбом» для Эли: личное имя собственное в языковом сознании ребенка / Т. А. Гридина // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 84–95.
- Гридина, Т. А. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские сопоставления / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Русин. – 2019. – № 56. – С. 198–212. – DOI: 10.17223/18572685/56/12.
- Гридина, Т. А. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 119–131. – DOI: 10.17223/22274200/11/8.
- Грязнова, В. М. Словарное толкование имен со значением «род занятий / ремесло» как источник социокультурной информации (на материале словарей XIX в.) / В. М. Грязнова // Вопросы лексикографии. – 2017. – № 11. – С. 132–142. – DOI 10.17223/22274200/11/9.
- Даль, В. И. Естественная история. Ботаника. Учебные руководства для военно-учебных заведений / В. И. Даль. – СПб., 1851. – 211 с.
- Даль, В. И. Напутное слово (Читано в Обществе Любителей Русской Словесности в Москве, 21 апреля 1862 г.) / В. И. Даль // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М. : Русский язык, 1989. – С. XXI–XXXVII.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989.
- Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. – М. : ОГИ, 2003. – 296 с.
- Коновалова, Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен : дис. ... д-ра филол. наук / Коновалова Н. И. ; Московский государственный областной университет. – Екатеринбург, 2007. – 354 с.
- Лаппо, М. А. Структура прагматического макрокомпонента значения (на материале группы слов, обозначающих национальность) / М. А. Лаппо // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 6. – С. 186–200. – DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15.
- Лаппо, М. А. Параметризация базы данных узуальных и неузуальных феминитивов / М. А. Лаппо, Н. И. Малиновская // Вопросы лексикографии. – 2020. – № 18. – С. 52–72. – DOI: 10.17223/22274200/18/3.
- Рут, М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений / М. Э. Рут // Лингвистика креатива-4 : коллект. монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018. – С. 136–157.

References

- Bekasova, E. N. (2020). Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo drevnerusskogo teksta [Creativity on the Brink of Sacred and Profaned in the Old Russian Text]. In *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 239–256. DOI: 10.26170/ufvz0-02-22.
- Bekasova, E. N. (2014). Poslovitsa kak kontseptual'naya osnova «domashnikh istorii» vtoroi poloviny XVIII v. [Proverb as Conceptual Basis of "House Stories" of the Second Half of the 18th Century]. In *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 77, pp. 159–162.
- Bulygina, E. Yu., Tripol'skaya, T. A. (2017). Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike slova i sposoby ego predstavleniya v baze dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki [The National-Cultural Component in the Semantics of Words and Ways of Representing it in a Database of Pragmatically Marked Vocabulary]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 5–19. DOI: 10.17223/22274200/11/1.
- Golev, N. D. (2021). Leksikografirovanie kak metod opisaniya leksiki. K teoreticheskomu naslediyu O. I. Blinovoi [Lexicographizing as a Method of Describing Vocabulary: Revisiting the Theoretical Legacy of Olga Blinova]. In *Voprosy leksikografii*. No. 21, pp. 5–32. DOI: 10.17223/22274200/21/1.
- Golev, N. D. (2015). O slovaryakh narodnykh etimologii i motivatsionnykh assotsiatsii kak otrazhenii ontologicheskikh svoystv leksicheskikh edinitv russkogo yazyka [On Dictionaries of Folk Etymologies and Motivational Associations as Reflection of Ontological Features of Russian Lexical Units]. In *Voprosy leksikografii*. No. 2, pp. 38–64.
- Gridina, T. A. (2012). «Delat' iz mukhi slona»: assotsiativnaya proektsiya igrovogo slova v khudozhestvennom tekste [“Making an Elephant Out of a Fly”: an Associative Projection of a Game Word in a Literary Text]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-2*. Ekaterinburg, pp. 272–288.
- Gridina, T. A. (2014). «El'bom» dlya Eli: lichnoe imya sobstvennoe v yazykovom soznanii rebenka [“Elbom” for Eli: a Personal Name in the Child's Linguistic Consciousness]. In *Voprosy onomastiki*. No. 1 (16), pp. 84–95.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2019). Zoomorfizmy kak osnova modelirovaniya frazeologicheskoi semantiki: russko-pol'skie sootvetstviya [Zoomorphisms as a Basis for Modeling Phraseological Semantics: Russian-Polish Correspondences]. In *Rusin*. No. 56, pp. 198–212. DOI: 10.17223/18572685/56/12.
- Gridina, T. A., Konovalova, N. I. (2017). Parametry leksikograficheskoi interpretatsii dialektnoi frazeologii: lingvokul'turologicheskii aspekt [Parameters of Lexicographic Interpretation of Dialect Phraseology: Linguocultural Aspect]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 119–131. DOI: 10.17223/22274200/11/8.
- Gryaznova, V. M. (2017). Slovarnoe tolkovanie imen so znacheniem «rod zanyatii / remeslo» kak istochnik sotsiokul'turnoi informatsii (na materiale slovarei XIX v.) [Dictionary Interpretation of Names with the Meaning “Occupation / Craft” as a Source of Socio-Cultural Information (Based on the Dictionaries of the 19th Century)]. In *Voprosy leksikografii*. No. 11, pp. 132–142. DOI: 10.17223/22274200/11/9.
- Dahl, V. I. (1851). *Estestvennaya istoriya. Botanika. Uchebnye rukovodstva dlya voenno-uchebnykh zavedenii* [Natural History. Botany. Military Training Manuals]. Saint Petersburg. 211 p.
- Dahl, V. I. (1889). Napatnoe slovo (Chitano v Obshchestve Lyubitelei Russkoi Slovesnosti v Moskve, 21 aprelya 1862 g.) [Parting Word (Read in the Society of Lovers of Russian Literature in Moscow, April 21, 1862)]. In *Tolkoviy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. Vol. 1. Moscow, Russkii yazyk, pp. XXI–XXXVII.
- Dahl, V. I. (1989). *Tolkoviy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow, Russkii yazyk.
- Kayua, R. (2003). *Mifi chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and the Sacred]. Moscow, OGI. 296 p.
- Konovalova, N. I. (2007). *Sakral'nyi tekst kak lingvokul'turnyi fenomen* [The Sacred Text as a Linguocultural Phenomenon]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 354 p.
- Lappo, M. A. (2016). Struktura pragmaticheskogo makrokomponenta znacheniya (na materiale gruppy slov, oboznachayushchikh natsional'nost') [The Structure of the Pragmatic Macrocomponent of Meaning (with the Main Focus on Words Denoting Nationality)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 6, pp. 186–200. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.15.
- Lappo, M. A., Malinovskaya N. I. (2020). Parametrizatsiya bazy dannykh uzual'nykh i neuzual'nykh feminativov [The Parametrization of the Database Of Common and Occasional Femininitives]. In *Voprosy leksikografii*. No. 18, pp. 52–72. DOI: 10.17223/22274200/18/3.
- Rut, M. E. (2018). Ob'ekt i sub'ekt nominatsii: palitra sootnoshenii [The Object and the Subject of the Nomination: the Palette of Correlations]. In Gridina, T. A. (Ed.). *Lingvistika kreativa-4: kollektivnaya monografiya*. Ekaterinburg, pp. 136–157.

Данные об авторе

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620091, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: sakralist@mail.ru.

Authors' information

Konovalova Nadezhda Ilyinichna – Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).